

Яньци, всё хорошо, ты даже не представляешь, как у мамы сердце из груди чуть не выпрыгнуло, когда она увидела ту запись с камер. Больше так не делай, слышишь? Ты же вот так сломя голову бросился вперед — случись что, мы с твоими папой и мамой от горя бы умерли.

За обеденным столом Су Хуань с тревожным облегчением сжимала руку И Яньци. Успокоив И Яньци и придя в себя, она посмотрела на родного сына, который рядом усердно чистил кровати, и одновременно почувствовала жалость и злость. Подняв руку, она ущипнула Гу Цзэ за мочку уха: — А с тобой-то всё в порядке, великий господин Гу?

— Всё в порядке, я, конечно, в полном порядке, посмотри, какой я живчик. — Гу Цзэ виновато усмехнулся и поставил две небольшие пиалы с очищенными кроватками перед Су Хуань и И Яньци. — Ешьте, кровати полезны, кальций.

Су Хуань, глядя на действия Гу Цзэ, слегка удивилась. Этот сорванец любил подольститься, и почистить ей кровати было обычным делом, но вот чтобы он по собственной воле чистил их для И Яньци — такого она еще не видела. Женщина снова посмотрела на лицо И Яньци: тот по-прежнему оставался замкнутым букой, ничего особенного по выражению не уловишь. Су Хуань повернулась к собственному мужу, но тот, к сожалению, вообще не обращал внимания на здешнюю возню и был полностью поглощен дегустацией вина.

Мужчины — такие неряшливые недотепы. Она сердито покосилась на Гу Ляня. Гу Лянь, словно что-то почувствовав, опустил бокал, но не успел он и рта раскрыть, как Гу Цзэ тут же принялся подлизываться: — Пап, отличное вино, я специально для тебя достал!

— Неплохо. — Гу Лянь полностью оправдывал свое имя: характер имел сдержанный, радость и гнев на лице не выказывал. — Личность того, кто тебя сбил, установили?

— Ни живого, ни мертвого, есть только размытая запись с камеры, искать очень сложно.

Гу Лянь ничего не ответил напрямую, а лишь произнес: — В последнее время не выходи из дома один. И свои дела решай сам, не впутывай других.

Под этим впутыванием подразумевался именно И Яньци. Если бы это произошло раньше, Гу Цзэ наверняка бы взвился, принялся ссориться с родителями и обвинять их в том, что они всё больше и больше проявляют предвзятость. Но по правде говоря, в последние годы он и сам вел себя слишком распутно, из-за чего родители, с детства применявшие к нему методы мягкого воспитания и окружавшие огромной любовью, испытывали всё большее разочарование, а в итоге и вовсе пустили всё на самотек. Обычно без их зова он по собственной воле домой не возвращался — в отличие от И Яньци, который то и дело навещал их. На этом фоне тот и впрямь выглядел куда больше похожим на родного сына.

— Я знаю, больше такого не повторится.

Гу Цзэ пригубил вина, не заметив, какой сильный шок эти слова произвели на его родителей. Су Хуань и Гу Лянь переглянулись, и в глазах друг друга отчетливо прочитали огромный вопрос: это точно твой сын?

Обед прошел в странной, но гармоничной обстановке. Су Хуань одновременно наслаждалась этим редким семейным единением и трепетала от страха, до смерти боясь, что их домашний мучитель снова отчебучит что-нибудь грандиозное.

Гу Цзэ действительно собирался отчебучить нечто грандиозное.

Когда вино было выпито до дна и атмосфера стала самой непринужденной, Гу Цзэ неожиданно встал и поднял бокал за них: — Папа, мамы, я хочу кое-что сказать.

Су Хуань в страхе опустила палочки, подумав, что неизбежное всё же свершилось, и не удержалась от попытки хоть немного оттянуть момент: — Может, доедим сначала? Дай маме еще немного порадоваться.

Гу Цзэ не совсем расслышал, да и не стал заострять на этом внимание, продолжая: — Последние годы я не занимался ничем дельным, только доставлял вам хлопоты, и я знаю, что вы тоже потеряли веру в меня.

Но люди ведь меняются. С сегодняшнего дня я больше не буду дурить. Я уже порвал отношения с Цинь Ся, а в дальнейшем мы будем спокойно жить с Яньци, чтобы вы ни о чем не беспокоились. Надеюсь, вы дадите мне еще один шанс и позволите работать в корпорации. Я могу начать с самых низов и постепенно всему научиться. Думаю, я не такой уж глупый, и в один прекрасный день смогу вам помочь.

Эта тирада буквально оглушила Су Хуань, а остатки здравого смысла заставили ее взглянуть на мужа. Гу Лянь держался куда спокойнее, и голос его звучал ровно: — Если ты хочешь войти в корпорацию, не нужно столь громких слов. У меня только один сын, и эта корпорация рано или поздно станет твоей, можешь быть спокоен.

В его тоне не было никаких особых интонаций — не холодно, просто ровно, как застоявшаяся вода в озере. Гу Цзэ понял смысл его слов, и на душе у него сразу скрестили кошки. На самом деле раньше отец возлагал на него большие надежды, и это он сам вел себя слишком разнузданно, заставляя их разочаровываться снова и снова.

Несмотря ни на что, мама с папой по-прежнему любили его сильнее всех. Гу Цзэ вспомнил, как в поздней части первоначального сюжета он из-за борьбы с главным героем — почти сошел с ума, поставил на кон все ресурсы корпорации и проиграл до полного разорения. Родители тогда безумно злились и гневались, но в конце концов всё равно приняли его. Заставили завязать с этим, вовремя остановить убытки и начать новую жизнь. Но разве мог он тогда кого-то слушать.

При этой мысли грудь Гу Цзэ тяжело задышала. Спустя мгновение он подавил эмоции и опустил бокал: — Папа, мама, пустые слова ничего не стоят, я могу доказать вам всё на деле.

Он дважды хлопнул в ладоши, дверь отдельного кабинета отворилась, и вошли два официанта, катящих тележку. Когда три человека в комнате разглядели, что лежало на тележке, они слегка замерли.

— Эти дни, пока Яньци лежал в больнице, я тоже зря времени не терял. Всё, что было связано с Цинь Ся в моем доме и в студии — картины, которые можно было продать, я продал, а что нельзя — уничтожил. Осталось только это последнее полотно.

Последние годы Гу Цзэ не касался семейного бизнеса, целиком отдавшись живописи, и успел приобрести определенную известность. За исключением пейзажей, все его портреты обязательно писались с Цинь Ся в качестве модели. И если говорить о самой кропотливой, изысканной и сложной работе, то ею была именно эта картина из цветного стекла.

В свое время, вернувшись из путешествия по Европе, Гу Цзэ увлекся витражами европейских соборов и захотел изготовить для Цинь Ся стеклянную картину методом спекания. Он тщательно прорисовал эскиз, связался с лучшим стекловаренным заводом, после многочисленных обсуждений, доработки и сверки деталей в процессе даже сам брался за резку стекла.

Спустя несколько месяцев родилась витражная мозаика, изображающая профиль человека. На солнце силуэт на стекле и отбрасываемые им цветные тени гармонично дополняли друг друга, выглядя просто потрясающе.

Изначально Гу Цзэ планировал преподнести это в качестве подарка на день рождения Цинь Ся, но готовое изделие получилось настолько великолепным, что ему стало жаль отдавать его, и он оставил работу себе. Позже, когда картину выставили на персональной выставке, кто-то предлагал за нее миллионы, но Гу Цзэ отказался продавать ее.

Если не брать в расчет изображенного человека, эта картина имела для самого Гу Цзэ особый смысл. Поначалу он занимался живописью отчасти ради баловства, но это произведение заставило его почувствовать себя настоящим художником, породив отклик с тем, что он сотворил своими руками. И сегодня он собирался доказать кое-что с помощью этой дорогой его сердцу вещи.

И Яньци сидел за столом и молча наблюдал, как Гу Цзэ с нежностью и трепетом гладил витражное полотно, словно какое-то сокровище. Когда эту картину выставляли на показ, он ходил смотреть на нее и слышал от людей, сколько сил и труда Гу Цзэ вложил в нее и как нелегко она ему далась.

Вот так-то лучше. И Яньци, опершись локтем о подлокотник и подперев подбородок, бесстрастно подумал, что вот это и есть настоящий Гу Цзэ.

А тот человек, который минуту назад нес чушь про хорошую жизнь с Яньци, был пугающе до чертиков, прямо как нечистая сила.

Но всё же И Яньци отвел взгляд.

В тот самый момент, когда пальцы Гу Цзэ коснулись силуэта в центре витража.

И Яньци и помыслить не мог, к чему приведет это мимолетное бегство.

В следующее мгновение в кабинете раздался грохот и зловещий звон разбитого стекла.

Под испуганный возглас прикрывшей лицо руками Су Хуань И Яньци машинально повернул голову и увидел, как Гу Цзэ, высоко занеся тяжелый молот, с абсолютно бесстрастным лицом сокрушает вдребезги стоявшую на тележке витражную картину.

От автора

Жду ваши добавления в избранное□

Глава 10. Банкет

После взрыва в комнате воцарилась мертвая тишина.

Все трое за круглым столом в едином порыве уставились на обломки разбитого стекла, а затем синхронно перевели взгляд на лицо Гу Цзэ.

Состояние у него было вполне спокойное. Опершись на молот, как на трость, он с напускным щегольством смахнул со лба челку: — Ну как, уважаемые, увидели мою решимость?

Су Хуань поднялась первой. На ней было ципао и туфельки на тонкой подошве — поначалу образ выглядел элегантно и к месту, но сейчас она слегка запаниковала, подбежала к Гу Цзэ и принялась осматривать его с ног до головы: — Что ты опять творишь, осколками стекло не задело?

— Нет. — Гу Цзэ явно не ожидал от собственной матушки такой реакции. — Мама, ты что, не рада? Я больше не буду прожигать жизнь зря и позорить тебя.

Су Хуань уставилась на него, поджала губы, легко шлепнула его по плечу, а ее красивые ресцы слегка влажно блеснули: — Какой еще позор, не позор... Мама хочет лишь одного, чтобы ты был счастлив. Скажи маме, что случилось? Какое потрясение ты пережил, с чего вдруг такие перемены?

Гу Цзэ слегка замер, а затем заметил за спиной Су Хуань выражение лица Гу Ляня.

По воспоминаниям Гу Цзэ, Гу Лянь почти никогда не проявлял эмоций открыто — на поверхности всегда сохранялось спокойствие, и сейчас на его лице тоже едва ли улавливались какие-то колебания чувств. Но Гу Цзэ почему-то был уверен: этот мужчина, который притворялся равнодушным, но украдкой бросал взгляды, тоже ждал его ответа.

Оказывается, те, кто по-настоящему дорожит тобой, при виде твоего крутого нрава в первую очередь испугаются — даже если изменения происходят к лучшему.

У Гу Цзэ на душе стало тепло, и он обнял Су Хуань. Сейчас он был намного выше матери и ему пришлось наклониться, чтобы положить подбородок ей на плечо: — Ничего особенного, просто...

Просто возвращаюсь к самому себе настоящему.

Подумав об этом, Гу Цзэ снова поднял глаза на отца. Возможно, из-за того, что в повседневной жизни они крайне редко делились друг с другом эмоциями, в момент пересечения взглядов Гу Цзэ, словно дезертир, поспешил отвести глаза. Стоило ему чуть сместить взгляд, как он снова нос к носу столкнулся с другим человеком.

И Яньци тоже смотрел на него.

Тот парень снова застыл с каменным лицом, эмоций не прочитать.

На этот раз Гу Цзэ не стал отводить взгляд. Выдержав короткую паузу и о чем-то подумав, он улыбнулся И Яньци.

А затем он увидел, как на лице его давнего друга появилось такое выражение, будто тот воочию узрел призрака: брови чуть сдвинулись, зрение за очками заволокло недоумение, переходящее в оценивающий взгляд.

Гу Цзэ: «.....»

Да ты шутишь, братец, переборщил.

Неужели я до этого тебе ни разу не улыбался??

.

— Слышали? Наш молодой господин Гу решил остепениться и заняться делом, он уже

устроился в Корпорация Гу, сам генеральный директор его ведет!

— Конечно! Говорят, они вместе с гендиректором И будут добиваться подряда на причал номер сто восемь. Вот же смелости у директора Гу занимать такую должность — с ходу отвалить такой лакомый кусок, не боится же, что любимого сыночка заглотить не удастся.

— Причал номер сто восемь? С этим причалом связана целая история, разве не говорили, что он принадлежит какому-то влиятельному китайцу из-за рубежа, и к нему никто не мог подступиться?

— Точно, тот китаец за границей поднялся ого-го, а за последние пару лет пошли слухи, что он хочет вернуться и осваивать внутренний рынок. Разве этот причал не знак преданности, способ заискивать перед высшим руководством...

— Жирный кусок, чего уж там. При способностях гендиректора И он мог бы и в одиночку всё забрать, а тут еще готов делиться с этим мажором.

— Это вы про меня?

<http://bllate.org/book/25762/3080266>